

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ГЛАВЫ 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассмотрены некоторые изменения, внесённые в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере экономической деятельности». Анализируются изменения, которым данная глава подвергалась, в частности, в 2003, 2011, 2015, 2016 гг. Рассматривается, какие пробелы в ней восполнены, какие ещё остались, какие деяния, утратившие свою общественную опасность, декриминализованы. Дается предложение о необходимости установления уголовной ответственности за совершение таких деяний, как промышленный шпионаж и дискредитация деловой репутации организации.

Ключевые слова: перспективы; развитие; Уголовный кодекс Российской Федерации; преступления в сфере экономической деятельности.

В течение января – июля 2016 г. Глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, охраняющая общественные отношения в сфере экономической деятельности, вновь подверглась существенным изменениям. В частности, на основании Федерального закона РФ от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ указанная глава была дополнена ст. 172.2, устанавливающей ответственность за «организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества». Это деяние представляет собой «организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере, при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счёт привлечённых денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц».

Таким образом, отечественным законодателем впервые вводит специальную норму, позволяющая привлекать к уголовной ответственности как создателей, так и организаторов классических «финансовых пирамид». До криминализации указанного деяния создатели и организаторы «финансовых пирамид» привлекались к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ «Мошенничество», что противоречило принципу законности, закреплённому в ст. 3 УК РФ, поскольку имело место применение уголовного закона по аналогии. Установление законодателем уголовной ответственности за совершение рассматриваемого деяния позволит устранить серьёзный пробел в действующем уголовном законодательстве [1. С. 10].

Одновременно в соответствии с Федеральным законом РФ от 01 мая 2016 года № 139-ФЗ Глава 22 УК РФ дополнена и ст. 200.3 «Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости». Как и в предыдущей, в указанной ситуации законодателем устраняется значительный пробел в действующем уголовном законодательстве.

В соответствии с Федеральным законом РФ от 03 июля 2016 года № 324-ФЗ изменениям подверглась ст. 184 УК РФ, которая устанавливает ответственность за «оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса». В частности,

указанные изменения коснулись её ч. 1. В новой редакции ею предусмотрена уголовная ответственность за «передачу спортсмену, спортивному судье, тренеру, руководителю спортивной команды, другому участнику или организатору официального спортивного соревнования (в том числе их работнику), а равно члену жюри, участнику или организатору зрелищного коммерческого конкурса денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передаётся, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, либо принуждение или склонение таких лиц к оказанию этого влияния, либо предварительный сговор с такими лицами в тех же целях». В ранее действующей её редакции уголовная ответственность предусматривалась за «подкуп спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей команд и других участников или организаторов профессиональных спортивных соревнований, а равно организаторов или членов жюри зрелищных коммерческих конкурсов в целях оказания влияния на результаты этих соревнований или конкурсов». Таким образом, в новой редакции ч. 1 ст. 184 УК РФ законодателем впервые дается определение такого её элемента, как «подкуп». Представляется, что в результате внесения указанных изменений у правоприменителя не возникнет затруднений с практическим применением рассматриваемой нормы, поскольку станет невозможным произвольное толкование обозначенного элемента.

Одновременно в соответствии с этим Законом, изменения внесены и в ч. 3 указанной нормы. В новой редакции она предусматривает уголовную ответственность за «получение спортсменом, тренером, руководителем спортивной команды или другим участником официального спортивного соревнования, а равно участником зрелищного коммерческого конкурса денег, ценных бумаг, иного имущества, а также пользование им услугами имущественного характера или иными имущественными правами (в том числе когда по указанию такого лица имущество передаётся, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному

физическому или юридическому лицу) либо предварительный сговор таких лиц в целях противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса». В предыдущей её редакции уголовная ответственность была предусмотрена фактически за те же деяния, однако в ней имел место такой элемент, как «извлечение указанными лицами других выгод и преимуществ». В новой редакции ч. 3 ст. 184 УК РФ указанный элемент законодателем исключён. Вместо него последним введена ответственность за «пользование указанными лицами иными имущественными правами» с указанием некоторых из них. Таким образом, в рассматриваемой редакции законодателем вносится точность в диспозицию исследуемого уголовно-правового запрета, что позволит избежать затруднений, связанных с применением его на практике.

Этим же Законом ст. 184 УК РФ дополнена ч. 5, которая устанавливает ответственность за «посредничество в совершении деяний, предусмотренных ч. 1–4 настоящей статьи, в значительном размере». Таким образом, действие рассматриваемой уголовно-правовой нормы в новой её редакции распространяется и на субъектов-«посредников» в совершении запрещаемых ею деяний. В результате внесения указанного изменения окажется устранённым значительный пробел в действующем уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в исследуемой сфере.

Также в соответствии с этим Законом ст. 184 УК РФ дополнена примечаниями. В примечании 1 законодателем раскрывается «значительный размер», имеющий место в её ч. 5. В примечании 2 последним закреплены условия освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 1, 2 или 5 ст. 184 УК РФ. В отличие от ранее действующего, указанное примечание дополнено новым условием освобождения виновного лица от уголовной ответственности в случае, «если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления». Таким образом, наряду с «расширением» действия рассматриваемой уголовно-правовой нормы в новой её редакции имеет место и «расширение» перечня условий освобождения лиц, совершивших запрещаемые ею деяния, от уголовной ответственности.

Одновременно согласно Федеральному закону РФ от 03 июля 2016 года № 325-ФЗ, изменениям подверглось достаточно большое количество норм, составляющих Главу 22 Уголовного кодекса РФ. В частности, изменения внесены в примечание к ст. 169 УК РФ. В новой редакции её, в отличие от ранее действующей, размер «крупного ущерба» установлен только применительно к указанной норме. Таким образом, имеет место дифференциация уголовной ответственности.

Также в соответствии с этим Законом ст. 170.2 УК РФ дополнена примечанием, согласно которому «крупный размер» превышает 2 250 тысяч рублей, «особо крупный» – 9 000 тысяч рублей. По сравнению с предыдущей редакцией, данные размеры увеличены законодателем в 1,5 раза. Таким образом, в новой редакции, наряду с дифференциацией уголовной ответ-

ственности, наблюдается и экономия репрессии, что представляет собой частичную гуманизацию действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности.

То же следует отметить и об изменениях, внесённых этим Законом в ст. 171.1 УК. В её новой редакции также увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры – соответственно они составляют 400 тысяч рублей и 1 500 тысяч рублей против 250 тысяч рублей и 1 000 тысяч рублей, имевших место в действующей ранее редакции. Кроме этого, обозначенная норма дополнена ч. 1.1, устанавливающей ответственность за совершение запрещаемого ею деяния «группой лиц по предварительному сговору». В ранее действующей редакции предусматривалась одинаковая уголовная ответственность за совершение обозначенного деяния как «группой лиц по предварительному сговору», так и «организованной группой». Таким образом, в данной редакции имело место отсутствие дифференциации уголовной ответственности за деяние, совершённое в соучастии различных форм. Внесение законодателем в диспозицию ст. 171.1 УК РФ изменений, в результате которых имеет место чёткая дифференциация уголовной ответственности за совершение запрещаемого ею деяния в соучастии, следует рассматривать как правильный шаг законодателя.

В соответствии с этим Законом ст. 171.2 УК РФ дополнена примечанием, устанавливающим как «крупный», так и «особо крупный» размеры дохода применительно к указанной норме. Как и в предыдущих, в рассматриваемой ситуации также имеет место дифференциация уголовной ответственности.

Наряду с рассмотренными, согласно этому же Закону, изменениям подверглась и ст. 180 УК. В новой её редакции, в отличие от предыдущей, рассматриваемая уголовно-правовая норма дополнена ч. 4, предусматривающей ответственность за совершение запрещаемого ею деяния «организованной группой». Таким образом, наблюдается дифференциация уголовной ответственности за совершение обозначенного деяния в различных формах соучастия, что также является правильным шагом законодателя.

Аналогичные изменения этим Законом внесены и в ст. 185 УК. Новая её редакция дополнена законодателем ч. 3, которая устанавливает уголовную ответственность за совершение деяния, запрещаемого ею, «организованной группой». Таким образом, как и в предыдущей ситуации, имеет место дифференциация уголовной ответственности за совершение данного деяния в различных формах соучастия. Кроме того, изменения были внесены и в примечание к данной норме. В результате в 1,5 раза увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры, о которых отмечено в обозначенном примечании. Таким образом, в новой редакции указанного уголовно-правового запрета имеет место и экономия репрессии, также представляющая собой частичную гуманизацию уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в исследуемой сфере.

Одновременно изменениям подверглись и примечания к ст. 185.3, 185.6 УК. В их новой редакции, как

и в новой редакции примечания к ст. 185 УК, в 1,5 раза увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры, что также свидетельствует об экономии репрессии, а следовательно, и о некоторой гуманизации Главы 22 УК РФ.

Кроме того, изменения внесены и в примечание к ст. 191.1 УК. В его новой редакции также увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры – с 50 до 80 тысяч рублей и со 150 до 230 тысяч рублей. В рассматриваемой ситуации также имеет место частичная гуманизация действующего уголовного законодательства РФ, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Одновременно законодателем внесены изменения и в ст. 193 УК РФ. Наряду с введением дифференцированной ответственности за совершение запрещаемого ею деяния в различных формах соучастия, законодателем в примечании к данной уголовно-правовой норме в 1,5 раза увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры, что также свидетельствует о некоторой гуманизации исследуемого законодательства. Аналогичные изменения коснулись и примечания к ст. 193.1 УК РФ.

По сравнению с предыдущей, в соответствии с Федеральным законом РФ № 325-ФЗ, в новой редакции примечаний к ст. 194, 198 и 199 УК РФ также значительно увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры. В частности, применительно к ст. 194 УК обозначенные размеры увеличены в 2 раза; применительно к ст. 198 УК – в 1,5 раза; применительно к ст. 199 УК – в 2,5 раза увеличены «крупный размер», а также «доля неуплаченных налогов и (или) сборов» применительно к «крупному» и «особо крупному» размерам и в 1,5 раза – «особо крупный размер». Таким образом, в настоящей ситуации также наблюдается экономия репрессии, свидетельствующая о гуманизации уголовного законодательства, направленного на борьбу с преступлениями рассматриваемой группы.

Представляется, что рассмотренных изменений явно недостаточно для совершенствования Главы 22 УК РФ. В юридической литературе обоснованно отмечается о недостатках отдельных уголовно-правовых норм, составляющих Главу 22 УК РФ. В частности, ст. 170.2, которой установлена ответственность за «внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории». В связи с бланкетным характером диспозиции данной нормы, для уяснения её содержания обязательно обращение к нормам иных отраслей права – земельного, гражданского, а также к нормативно-правовым актам в сфере как регистрации недвижимости, так и её оборота [2. С. 62]. Одновременно достаточно сложно определить и субъекта исследуемого преступления. В качестве указанного субъекта, по мнению учёных, возможно рассматривать как кадастрового инженера, так и, например, собственника объекта недвижимости [Там же. С. 67]. Таким образом, этот субъект оказывается «размытым», что способно привести к затруднениям, которые могут возникнуть при практическом

применении ст. 170.2 УК РФ. Проанализировав диспозицию указанной нормы, следует согласиться с мнением М.В. Феоктистова, согласно которому субъектом запрещаемого ею деяния следует рассматривать только кадастрового инженера [2. С. 68]. Данное мнение вполне обоснованно, поскольку на основании действующего законодательства только кадастровый инженер имеет право составлять документы для государственного кадастра недвижимости. В рассматриваемой ситуации имеет место специальный субъект преступления – кадастровый инженер [Там же. С. 67]. Таким образом, автором чётко определяется субъект исследуемого преступления. По нашему мнению, во избежание затруднений, которые могут возникнуть при применении на практике рассматриваемой уголовно-правовой нормы, представляется необходимым законодательное закрепление указанного субъекта.

Рассмотренный пример не является единичным. В юридической литературе вполне обоснованно отмечено о сложностях, возникающих при определении предмета такого преступления, как «приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины», ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 191.1 УК РФ [3. С. 41]. Во избежание этих сложностей, по мнению С.А. Петрова, в качестве предмета указанного преступления следует рассматривать «конкретно древесину» [Там же. С. 44]. Данное толкование позволит разграничить действия ст. 191.1 и 175 УК РФ, поскольку на практике имеет место применение именно последней из этих норм [Там же]. Таким образом, окажется невозможным и противоречащее принципу законности применение уголовного закона по аналогии.

Одновременно в юридической литературе высказываются и вполне обоснованные мнения о «расширении» действия некоторых норм, составляющих Главу 22 УК РФ. Пример – возможность применения к лицам, которые осуществляют добычу воды из подземных водных объектов без специальной лицензии, положений ст. 171 УК РФ, устанавливающей ответственность за «незаконное предпринимательство» [4. С. 74]. В пользу «расширения» действия указанного уголовно-правового запрета учёными приводится тот факт, что благодаря лицензированию некоторых видов деятельности возможно предотвратить ущерб, который при осуществлении предпринимательской деятельности может быть причинён личности, обществу и государству [Там же]. Поскольку лицо осуществляет предпринимательскую деятельность без лицензии, оно имеет право не соблюдать как санитарные, так и иные обязательные для осуществления указанной деятельности требования. К последним в рассматриваемой ситуации следует отнести специальные требования, предъявляемые к добыче воды из подземных водных объектов, несоблюдение которых способно привести к причинению значительного ущерба окружающей среде. Таким образом, высказанное ранее мнение об определении данной деятельности как незаконного предпринимательства вполне обосновано, поскольку здесь имеет место не столько

проявление недобросовестной конкуренции, сколько угроза причинения ущерба экологии государства.

Приведённый пример не является единичным. Л.М. Прокументовым, А.В. Архиповым вполне обоснованно высказывается точка зрения о применении ст. 186 УК РФ к лицам, сбывающим поддельные денежные купюры через банкоматы [5. С. 83]. По мнению последнего, «с учётом увеличивающейся распространённости банкоматов, можно предположить, что число подобных преступлений будет только увеличиваться» [Там же. С. 79]. Таким образом, в результате «расширения» действия рассматриваемой уголовно-правовой нормы, о котором упоминается в приведённой точке зрения, возможно устранение серьёзного пробела в действующем уголовном законодательстве, направленном на борьбу с преступлениями исследуемой группы.

На наш взгляд, совершенствование Главы 22 УК РФ предусматривает не только «расширение» действия отдельных норм, составляющих её. Для решения этой проблемы законодателю необходимо внесение соответствующих поправок не только в диспозиции указанных ранее норм, но и в диспозиции иных норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение преступлений рассматриваемой группы. Пример – ст. 178 УК РФ, предусматривающая ответственность за «ограничение конкуренции». В результате внесённых законодателем в 2015 г. поправок в Главу 22 УК РФ в диспозиции рассматриваемой нормы возник серьёзный пробел, поскольку вне зоны её действия оказалось такое средство подавления конкуренции, как «ограничение доступа на рынок». Таким образом, в целях устранения указанного законодательного пробела необходимо внесение поправок в ст. 178 УК РФ. На наш взгляд, внесение этих поправок не исключает и «восстановление» уголовной ответственности за «ограничение доступа на рынок хозяйствующих субъектов».

Представляется необходимым и реформирование ст. 185.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за «злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах». Диспозиция указанной нормы, как и диспозиции большинства иных норм, составляющих Главу 22 УК РФ, является бланкетной; для уяснения состава запрашиваемого ею преступления следует принять во внимание положения Федерального закона РФ «О рынке ценных бумаг», а также положения Федерального закона РФ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг». Таким образом, рассматриваемая уголовно-правовая норма имеет достаточно сложную законодательную конструкцию. В результате могут возникнуть проблемы, связанные с её применением на практике. В юридической литературе проводится сравнение ст. 185.1 УК РФ с аналогичными нормами уголовного законодательства Республики Казахстан (УК РК): ст. 225 УК РК, устанавливающей ответственность за «непредоставление информации либо предоставление заведомо ложных сведений должностным лицом эмитента ценных бумаг», а также ст. 227 УК РК, устанавливающей

ответственность за «предоставление заведомо ложных сведений профессиональными участниками рынка ценных бумаг» [6. С. 107]. Результаты обозначенного сравнения, по мнению учёных, достаточно противоречивые. С одной стороны, ст. 185.1 УК РФ, по сравнению с указанными нормами УК РК, выглядит более совершенной, поскольку ею «предусмотрена ответственность за предоставление не только ложной, но и неполной информации. Под предоставлением заведомо неполной информации следует понимать передачу сведений не в том объёме, который установлен действующим законодательством». С другой стороны, согласно ст. 185.1 УК РФ, «уклонение от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством о ценных бумагах, уголовно наказуемо только тогда, когда данное деяние является злостным – оценочный признак» [6. С. 107]. Указанный признак в аналогичных нормах УК РК отсутствует. Таким образом, учёными делается предложение об исключении рассматриваемого признака и из диспозиции ст. 185.1 УК РФ как излишнего. По их мнению, «сложно представить ситуацию, когда лицо действует не “злостно”, причиняя с прямым умыслом крупный ущерб потерпевшим» [6. С. 107]. Поэтому указанное предложение, по нашему мнению, вполне обосновано, поскольку для применения на практике ст. 185.1 УК РФ в её настоящей редакции обязательным является доказательство, что обозначенное в её диспозиции «уклонение» является именно «злостным». Представляется, что доказать «злостный» характер данного уклонения невозможно, так как мнение, является ли уклонение «злостным», – субъективное. Таким образом, несмотря на возможное «расширение» действия ст. 185.1 УК РФ, предлагаемое нами направление её совершенствования является необходимым.

Приведённые примеры неточного формулирования законодателем диспозиций уголовно-правовых норм, составляющих Главу 22 УК РФ, – далеко не единичные. По нашему мнению, из-за этого могут возникнуть проблемы с применением на практике и ст. 189 УК РФ, которой устанавливается ответственность за «незаконный экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники». Проблемы состоят в том, что не ясно, в каком случае возможно привлечение лица к ответственности: либо если лицо совершило только незаконный экспорт технологий; либо только незаконный экспорт научно-технической информации и услуг; либо только незаконный экспорт сырья; либо только незаконный экспорт материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, вооружения и военной техники; либо же лицо привлекается к ответственности только в том случае, если оно совершило незаконный экспорт всего, о чём отмечено в диспозиции указанной нормы. Таким образом, имеет место неточное формулирование законодателем диспозиции ст. 189 УК РФ. Представляется, что в целях его уstra-

нения, а следовательно, и для эффективной борьбы с запрещаемыми рассматриваемой нормой деяниями необходимо чётко установить, в каком случае лицо привлекается к уголовной ответственности. Для этого, на наш взгляд, следует в её диспозицию ввести раздельные союзы «или» между перечисляемыми в ней элементами, поскольку без использования их однозначное толкование исследуемого состава преступления правоприменителем окажется невозможным. Одновременно благодаря введению этих союзов законодательная конструкция ст. 189 УК РФ станет понятной для любого адресата уголовного закона.

Представляется необходимым внесение изменений и в ст. 190 УК РФ, устанавливающую ответственность за «невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей». По нашему мнению, «проблемным» и требующим законодательной корректировки её элементом следует рассматривать «культурные ценности». В настоящей ситуации этот элемент законодателем оказался не определён. Таким образом, эффективная борьба с незаконным вывозом из Российской Федерации культурных ценностей оказывается невозможной, поскольку не ясно, что следует к ним относить. Представляется, что для правильного решения упомянутой проблемы понятие «культурных ценностей» следует выделить в отдельное примечание к ст. 190 УК РФ.

Приведённые предложения далеко не единичны. Несмотря на постоянно вносимые законодателем в Главу 22 УК РФ поправки, отношения конкуренции, являющиеся «нервом» рыночной экономики, до сих пор охраняются уголовным законом не в полном объёме. По нашему мнению, актуальной является проблема уголовно-правовой охраны указанных отношений от дискредитации деловой репутации юридических лиц. В качестве дискредитации следует понимать распространение ложных, неточных либо искажённых сведений, которые способны причинить убытки одним предпринимателем другому хозяйствующему субъекту, являющемуся юридическим лицом, либо нанести ущерб деловой репутации последнего. Существующая в УК РФ ст. 128.1, устанавливающая ответственность за клевету, не способна в полной мере защитить общественные отношения, возникающие в сфере предпринимательской деятельности, поскольку она, в силу её расположения в Главе 17 – «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», может быть применена только к физическим лицам. Составляющие подавляющее большинство участников делового оборота юридические лица фактически находятся вне уголовно-правовой охраны. Таким образом, необходима криминализация рассматриваемого вида недобросовестной конкуренции.

Следующей, не менее актуальной, на наш взгляд, является проблема уголовно-правовой защиты отношений конкуренции от введения в заблуждение потребителей, под которым следует понимать действия хозяйствующего субъекта либо группы лиц, которые направлены на формирование у участников рынка товаров, работ и услуг, не соответствующих действительности представлений. Несмотря на то что эти

действия прямо не влияют на потребительский спрос, они порождают у участников рынка ожидания, способные в определённых ситуациях отвлечь клиентов в некоторых его сегментах с целью их направления в нужный для недобросовестного участника рынка сегмент. Рассматриваемое деяние не является мошенничеством, поскольку потерпевшим в исследуемой ситуации является не покупатель, а добросовестный предприниматель, который, с одной стороны, в результате использования им честной информации, не содержащей ложные, но привлекательные сведения, лишается определённого количества потребителей; с другой – он лишается доверия потребителей в результате обманных действий недобросовестных коммерсантов. В итоге такого проявления недобросовестной конкуренции добросовестному предпринимателю может быть причинён значительный материальный ущерб, который впоследствии может привести и к его банкротству с одновременным уходом последнего с рынка. Таким образом, необходимость криминализации проявления недобросовестной конкуренции также бесспорна.

По нашему мнению, дальнейшее развитие экономики не исключает и новых проявлений недобросовестной конкуренции. В обозначенной ситуации указанные проявления возможны и с использованием различных технических средств. Таким образом, неизбежны криминализация их и, как следствие, «расширение» уголовно-правового вмешательства в рассматриваемую сферу. Обозначенное «расширение», как и в предыдущих ситуациях, вполне обоснованно, поскольку направлено на устранение законодательных пробелов.

Одновременно дальнейшее развитие экономики предусматривает и постепенное «отмирание» некоторых деяний, совершение которых предусмотрено нормами, составляющими Главу 22 УК РФ, с их последующей декриминализацией. Начиная с 2003 г., декриминализированы: «лжепредпринимательство» (ст. 173 УК РФ); «заведомо ложная реклама» (ст. 182 УК РФ); «контрабанда» (ст. 188 УК РФ); «обман потребителей» (ст. 200 УК РФ). На наш взгляд, декриминализация лжепредпринимательства вполне обоснованна, поскольку ст. 173 УК РФ предусматривалась ответственность за создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность. Об этом же свидетельствовали и конструктивные признаки рассматриваемого преступления, отмеченные в диспозиции указанной нормы. Таким образом, имело место решение «искусственно созданной задачи». В соответствии с Федеральным законом РФ от 07 апреля 2010 года № 60-ФЗ ст. 173 была исключена из УК РФ.

На наш взгляд, обоснованна и декриминализация в 2003 г. Федеральным законом РФ от 08 декабря № 162-ФЗ ст. 182, 200 УК РФ, поскольку преступления, запрещаемые указанными нормами, являлись преступлениями небольшой тяжести.

В результате декриминализации в 2011 г. Федеральным законом РФ от 07 декабря № 420-ФЗ контрабанды вне зоны действия УК РФ оказалась «товарная» контрабанда. При этом в течение 2013–2014 гг. законодателем в УК РФ были введены ст. 200.1–200.2,

устанавливающие ответственность за совершение контрабанды денежных средств, а также контрабанды отдельных товаров – алкогольной продукции, табачных изделий. Таким образом, имеет место частичное «восстановление» нормы, утратившей силу. В этой ситуации, по нашему мнению, налицо «интуитивный» путь принятия законодателем решения о декриминализации рассматриваемого деяния, не имеющий ничего общего с научным подходом решения вопроса о декриминализации тех либо иных деяний. Представляется, что с целью избежания таких негативных последствий необходим анализ практического применения тех или иных уголовно-правовых запретов, направленных на борьбу с преступлениями в сфере экономической деятельности.

На наш взгляд, не исключена декриминализация и иных деяний, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, составляющими рассматриваемую главу. Например, злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, наказуемого ст. 177 УК РФ. По своему составу оно представляет частный случай неисполнения физическими лицами вступившего в законную силу соответствующего судебного акта, ответственность за совершение которого отражается в ст. 315 УК РФ – «Неисполнение приговора суда, решения или иного судебного акта», размещённой в Главе 31 УК «Преступления против правосудия». Оба деяния являются

преступлениями небольшой тяжести. При этом ст. 315 УК, по сравнению со ст. 177 УК, имеет более «широкую» зону действия. По нашему мнению, ст. 177 УК РФ решает искусственно созданную задачу, поскольку она «работает» только при условии, если наказуемое ею «злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности» совершено «в крупном размере». Таким образом, в перспективе возможно её исключение из УК РФ. Одновременно, в целях избежания законодательных пробелов в диспозиции ст. 315 УК РФ, следует предусмотреть ответственность и за «злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг».

Таким образом, перспективами дальнейшего развития Главы 22 УК РФ, наряду с совершенствованием отдельных составляющих её норм, видятся как криминализация новых форм проявления недобросовестной конкуренции, так и исключение из неё уголовно-правовых запретов, которые по мере развития отечественной экономики перестанут быть необходимыми. По нашему мнению, в связи с подготавливаемыми в настоящее время предложениями по смягчению действующего уголовного законодательства в отношении предпринимателей как основную перспективу дальнейшего развития этой Главы следует выделить именно исключение из неё указанных уголовно-правовых запретов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркелов Р. Больше не занимать // Российская газета. 2016. 1 апреля. С. 10.
2. Феоктистов М.В. Криминализация девиантного поведения в сфере государственного кадастрового учёта и последующей регистрации недвижимости // Уголовное право. 2015. № 6. С. 62–68.
3. Петров С.А. Уголовно-правовая характеристика предмета преступления, предусмотренного ст. 191.1 УК РФ // Законность. 2016. № 5. С. 41–44.
4. Хромов Е.В. Проблемы квалификации незаконного предпринимательства, связанного с незаконной добычей воды // Уголовное право. 2016. № 1. С. 74–83.
5. Прокументов Л.М., Архипов А.В. Квалификация сбыта поддельных банкнот посредством банкоматов // Уголовное право. 2016. № 2. С. 79–83.
6. Клепицкий И.А., Тогайбаев А.И., Тогайбаева Ш.С. Уголовные правонарушения, связанные с ценными бумагами, по новому УК Казахстана // Государство и право. 2016. № 3. С. 106–109.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 марта 2017 г.

ON THE DEVELOPMENT PROSPECTS OF CHAPTER 22 OF THE RF CRIMINAL CODE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 203–209.

DOI: 10.17223/15617793/417/29

Igor V. Lozinsky, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lozin@mail.tsu.ru

Keywords: prospects; development; Criminal Code of the Russian Federation; economic crimes.

The article is devoted to the analysis of some changes in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation (RF CC) concerning “crimes in the sphere of economic activity”. This chapter was under the influence of repeated legislative changes within the course of implementing the RF CC, particularly in 2003, 2011, 2015, 2016. The task to be undertaken in the research is to scrutinize what legislative deficiencies have been corrected. The method of comparison and analysis within the comparative and historical method is used in consideration of these changes. The research shows that since 2003 “false entrepreneurship” (Article 173 of the RF CC); “deliberate false advertising” (Article 182 of the RF CC); “smuggling” (Article 188 of the RF CC); “consumer fraud” (Article 200 of the RF CC) have been decriminalized. In the author’s view, decriminalization of false entrepreneurship is fully justified as Article 173 of the RF CC provided for the responsibility for organizing business with deliberate omission of business activity. The constructive features of the crime under consideration indicated in the law confirm this fact. Under the amendments on the ground of Federal Law 78 of the RF of 30 March 2016, the Chapter was supplemented with Article 172.2 that establishes criminal responsibility for “activity for involvement of money or other property”. Thus, a special legislative rule has been introduced for the first time that makes it possible to institute criminal proceedings against heads of “financial pyramids” and to eliminate a serious deficiency in the current criminal law. In accordance with Federal Law 139 of the RF of 1 May 2016, this Chapter was also supplemented with Article 200.3 that establishes criminal responsibility for “involvement of citizens’ money against the legislative rules of the RF affecting block construction sharing and other real estates”. The indicated article provides a significant addition to the current criminal law as well. All the changes set forth into the given chapter appear to have eliminated some ‘gaps’ in the law and decriminalized the

criminal acts which are now not of public danger. Thus, for the purpose of developing the chapter under discussion, criminalization of some acts is viewed as an essential issue concerning particularly industrial espionage, deformation of company's reputation. Criminal responsibility for those acts should be imposed to have business owners' interests properly protected.

REFERENCES

1. Markelov, R. (2016) Bol'she ne zanimat' [Not to borrow anymore]. *Rossiyskaya gazeta*. 1 April. pp. 10.
2. Feoktistov, M.V. (2015) Kriminalizatsiya deviantnogo povedeniya v sfere gosudarstvennogo kadastrvogo ucheta i posleduyushchey registratsii nedvizhimosti [Criminalization of deviant behavior in the sphere of state cadastral registration and subsequent registration of real estate]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 6. pp. 62–68.
3. Petrov, S.A. (2016) Ugolovno-pravovaya kharakteristika predmeta prestupleniya, predusmotrennogo st. 191.1 UK RF [Criminal-legal characteristics of the crime subject, stipulated by Art. 191.1 of the RF Criminal Code]. *Zakonnost'*. 5. pp. 41–44.
4. Khromov, E.V. (2016) Problemy kvalifikatsii nezakonnogo predprinimatel'stva, svyazannogo s nezakonnoy dobychey vody [Problems of qualification of illegal business associated with illegal water production]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 1. pp. 74–83.
5. Prozumentov, L.M. & Arkhipov, A.V. (2016) Kvalifikatsiya sbyta poddel'nykh banknot posredstvom bankomatov [Qualification of the sale of counterfeit banknotes through ATMs]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 2. pp. 79–83.
6. Klepitskiy, I.A., Togaybaev, A.I. & Togaybaeva, Sh.S. (2016) Ugolovnye pravonarusheniya, svyazannye s tsennymi bumagami, po novomu UK Kazakhstana [Criminal offenses related to securities under the new Criminal Code of Kazakhstan]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 3. pp. 106–109.

Received: 13 March 2017